

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЕ БЫЛИНЫ

(окончание) *

Акад. Б. А. РЫБАКОВ

ВЕЩИЙ БОЯН

И БЫЛИНЫ

В двух предшествующих этюдах выяснилось, во-первых, что герой-крестьянин появляется в былинах уже в 970-е годы и, во-вторых, что былины XI в. отразили два важнейших события южнорусской жизни этого столетия — нашествие половцев и киевское восстание 1068 г. Это дает нам право утверждать народный характер былинного творчества.

Далее мне представляется необходимым выяснить взаимоотношение народной былинной поэзии с княжеско-придворной.

Следы придворной поэзии мы находим в летописи уже в X в. — восхваление Вещего Олега; описание спартанца — Святослава и др. Но лучшим примером феодального придворного поэта несомненно является Вещий Боян.

Бояну по праву принадлежит первенство среди русских поэтов. Судя по той почтительности и тому глубокому знанию его творчества, которые обнаруживает автор «Слова о полку Игореве», это был действительно выдающийся певец своей эпохи. Спустя целое столетие в киевско-черниговской рыцарской среде хорошо знали песни «соловья старого времени», его несколько вычурную манеру «замышлений», помнили его разнообразный репертуар и отдельные афоризмы. Его «былины», сложенные «старыми словесами», не потерялись в общем потоке былинного творчества X—XII вв., авторство Бояна по отношению к его песням, по всей вероятности еще исполнявшимся при княжеских дворах в конце XII в., никогда не ставилось под сомнение.

Автор «Слова о полку Игореве», противопоставляя свою поэзию старым словесам Бояна, так часто по разным поводам говорит о чем, (около десятой части «Слова» посвящено Бояну), что мы можем с достаточной полнотой представить себе облик самого Бояна. В первой же характеристике Бояна определяется его положение княжеского певца; струны его гусель «сами князем славу рокотаху». Он воспевал не столько события, сколько людей: «Аще кому хотяше песнь творити...».

Список воспетых им князей позволяет примерно определить хронологию его творчества и жизни. Боян воспевал: «храброго Мстислава», «старого Ярослава», «Красного Романа Святославича». Минимально это период с 1036 по 1079 г. (от смерти Мстислава до смерти Романа), если считать, что он воспевал живых людей. Впрочем, формула «кому хотяше песнь творити» ясно указывает на складывание им песен в честь современников, слушавших его игру и пение. В самом начале «Слова» о Бояне сказано, что он «помняшет бо речь първых времен усобище». Скорее всего, здесь говорится о тех длительных войнах между сыновья-

* Начало см. «История СССР», 1961, № 5.

ми Владимира Святого, которые заняли целое десятилетие с 1015 по 1024 г. Двое уцелевших героев этих усобиц — Ярослав и Мстислав — упомянуты как объекты воспевания. Кроме того, в заключительной части «Слова»⁶⁹ Боян назван «песнотворцем Святослава» — не современника «Слова» (Святослава Всеволодича), а «старого времени Ярославля», т. е. сына Ярослава Мудрого. Здесь же упоминается «коган Олег», очевидно — Олег «Гориславич», сын Святослава; туманное место «Ольгова когана хоти», может быть, следует понимать в том смысле, что Боян был любимцем Олега? Олег умер через сто лет после начала «первых усобиц»; можно думать, что Боян застал лишь начало деятельности этого неистового князя, лишь то время, когда он был еще «головой без плечей» — князем без княжества, т. е. с 1070-х годов до 1094—1096 гг. Начиная свою поэтическую деятельность Боян, как предполагают, в Тмутаракани, где он был свидетелем знаменитого поединка князя Мстислава Владимировича с касожским князем Редедой в 1022 г. С 1024 г. до своей смерти в 1036 г. Мстислав княжил в Чернигове; возможно, что и Боян сопутствовал ему, по крайней мере в летописных сказаниях о Лиственской битве (1024 г.) Мстислава с братом Ярославом иногда видят отголоски песен Бояна⁷⁰.

В 1036—1054 г. Ярослав был «самовластцем» во всей Русской земле и эти годы, очевидно, Боян находился при киевском княжеском дворе. С появлением на политической сцене Ярославичей Боян в 1050—1070-х годах снова связан с черниговско-тмутараканской княжеской линией: Святославом Ярославичем и его сыновьями Романом и Олегом, родоначальником «Ольговичей», «олегова хороброго гнезда»⁷¹.

Из всего того, что мы узнаём о Бояне, ясно, что основной темой его песнотворчества было восхваление князей, прославление их личной доблести, возможно, печалование по поводу смерти⁷².

Только в отношении одного князя Боян высказался определенно отрицательно, что заставило автора «Слова о полку Игореве» даже полемизировать со своим прославленным предшественником. Этот князь — Всеслав Брючиславич Полоцкий, вероломно захваченный Ярославичами (в том числе и патроном Бояна — Святославом) в 1067 г., а на следующий год освобожденный восставшим киевским народом. Симпатии автора «Слова о полку Игореве» на стороне Всеслава, но тут же он приводит и враждебную «припевку» Бояна:

«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду —
суда божиа не минути!»

Боян, очевидно, считал, что князь, возглавивший восставший город, заслуживает божьего суда. В поэме, целиком посвященной борьбе с половцами, ни слова не сказано о том, что Боян, свидетель первого половецкого натиска 1068 г., слагал песни о борьбе с Шаруканом. Итак, фигура крупнейшего, прославленного придворного княжеского «песнотворца» становится нам ясней.

Перейдем теперь ко второй половине задачи, к поискам отголосков творчества Бояна в былинах.

Оказывается, что ни один былинный сюжет не может быть возведен к тем сюжетам, которые перечислены в «Слове о полку Игореве» как предмет творчества Бояна. В былинах

⁶⁹ «Рекъ Боянъ и Ходына (?) Святъслава песнотворца стараго времени Ярославля, Ольгова когана хоти:— Тяжко ти головы кромъ плечю, зло ти телу, кромъ головы...» («Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, М.— Л., 1950, стр. 30).

⁷⁰ Н. В. Шляков. Боян. ИОРЯС, Л., 1928, т. I, ч. 2, стр. 496.

⁷¹ См. об этом Н. В. Шляков. Указ. соч., стр. 498.

⁷² Летописный рассказ о преждевременной смерти Романа Святославича, предательски убитого половцами 2 августа 1079 г., считают заимствованным из песен. (К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIX века, СПб., 1868, стр. 42).

мы не найдем имен ни Мстислава, ни Редеди, ни Святослава Черниговского или Ярослава Мудрого. Нет в былинах и отражения биографий воспевавшихся Бояном князей, насколько мы можем судить о них по летописям. Очевидно, фиксация творчества вещего Бояна шла по другим руслам: во-первых, передача из поколения в поколение (по крайней мере до конца XII в.) придворных песен, исполнявшихся в узком феодальном кругу, а во-вторых, быть может, правы те исследователи, которые утверждают, что часть бояновых песен послужила основой летописных статей (о поединке с Редедой, о Лиственской битве, о приеме послов Святославом, о смерти Романа Святославича и др.). В былинах же отражения основной тематики Бояна — славы князьям — мы не находим.

*БЫЛИНА О СОЛОВЬЕ
БУДИМИРОВИЧЕ* Среди русских былин, не входящих во Владимиров богатырский цикл, есть интересная былина о сватовстве заморского гостя Соловья Будимировича к племяннице Владимира Забаве Путятичне, былина, которая «не принадлежит к числу распространенных»⁷³. Сюжет ее очень прост: из-за моря Вилянского по Днепру в Киев приплывает на красивом резном корабле Соловей Будимирович со своей дружиной. Прибыв во дворец к Владимиру, он иносказательно просит руки его племянницы Забавы. В ее саду Соловей строит златоверхий терем и играет на гусях. Дело кончается свадьбой; Соловей увозит Забаву в свою заморскую землю.

Ф. И. Буслаев считал Соловья Будимировича норманном. А. И. Лященко уточнил хронологию этой быliny и сопоставил ее со знаменитым сватовством норвежского короля Гаральда III Гардрата (1046—1066 гг.) к дочери Ярослава Мудрого Елизавете⁷⁴. Русская княжна первоначально отказала норманскому конунгу; он, как мы знаем из его собственной песни, долго горевал о том, что «дева русская Гаральда презирает», и снова отправился в путешествие, побывал в Византии и в Италии. После вторичного предложения, Елизавета Ярославна согласилась стать женой Гаральда и уехала с ним в Норвегию. До этого Гаральд, как и Соловей в быline, жил некоторое время в Киеве. Гаральд погиб в битве при Гастингсе в 1066 г.

Хорошо аргументированная гипотеза А. И. Лященко о тождестве былинного Соловья и исторического Гаральда мне представляется убедительной. И если считать, что эта былина отражает эпоху княжения Ярослава Мудрого, и именно последний период его княжения, так как свадьба Елизаветы и Гаральда происходила в 1040-е годы, когда Ярослав после смерти Мстислава стал «самовластцем», то это означает, что и сложение песни-быliny о заморском женихе, увезшем княжну из Киева, приходится на то время, когда Боян мог быть в Киеве при дворе «Старого Ярослава». В связи с этими соображениями очень интересно сопоставить заповь быliny о Соловье Будимировиче с заповью «Слова о полку Игореве» в том его стилизованном варианте, где автор «Слова» хочет воспроизвести старую манеру Бояна:

«Чи ли въепѣти было, Въшей Бояне-Велесов внуце:
«Комони ржуть за Сулою;
«Звенить слава въ Киевѣ;
«Трубы трубят: въ Новѣградѣ;
«Стоять сязи въ Путивль;

Здесь гениальной рукою с предельной экономностью сил и широтой образов нарисована картина состояния Половецкой земли и трех рус-

⁷³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 161.

⁷⁴ А. И. Лященко. Быliny о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде. «Сб. в честь проф. А. И. Маленна», т. II, Пг., 1922; С. Рожнецкий. К истории Киева и Днепра в былевом эпосе. ИОРЯС, СПб., 1911, т. XVI, кн. 1.

ских княжеств весной 1185 г. Современникам она была понятна без пояснений, так как они знали, что сразу за рекой Сулой начинается безбрежная половецкая степь, «чистое степное раздолье», куда только что прикочевали на весеннюю траву от синего моря хозяева степей с тысячными табунами коней: «комони ржут за Сулою...».

Современники знали, что только что закончился победоносный поход коалиции русских князей во главе со старым киевским Святославом Всеволодичем против самого Кончака; повторный удар половцам был нанесен отрядом боярина Романа Нездиловича в первый день пасхи, за два дня до выступления Игоря. Удачные походы праздновали в Киеве — здесь немцы и венецианцы, греки и чехи пели славу «грозному и великому» Святославу: «звенить слава в Киевѣ».

Давно было условлено между братьями-князьями, что могучий Буй-Тур Всеволод соберет своих сведомых кметей-курян, изготовит их к походу на южных рубежах Северной земли: «Стоять стязи в Путивльѣ».

Нужен был сигнал для похода; сигнал дает старший из Святославичей, княживший в Новгороде-Северском Игорь; он выбрал для похода время, когда киевские князья снова отвлекли половцев движением берендейских войск: «Труды трубятъ в Новѣградѣ!».

Так в четырех коротких строках дана география и различная обстановка во всей лесостепи и в степях.

Запев былины о Соловье Будимировиче тоже дает такую же широкую географическую картину, неразрывно связанную с сюжетом и являющуюся введением к былине. И так же, как запев в «Слове о полку Игореве», этот былинный запев требует глубокого понимания условий времени, знания того, что скрывается за кажущимися простыми словами. Исходная точка длительного корабельного пути Соловья Будимировича это — «синее море Вирянское», в которое «матушка Нева широко прошла». Нет сомнений в том, что здесь речь идет о море Варяжском⁷⁵. Конечная точка — «славный Киев град» на крутом берегу Днепра.

«Реки да озера к Новгороду
А мхи да болота к Белу-озеру
Да чисто поле ко Пскову
Темные леса Смоленские...
Широка мать Волга под Казань прошла
Подале того и под Аспрахань.
Да из-под дуба, дуба сырого
Из-под вязу, из-под черного
Из-под белого горячего спод камешка
Выбегала мать Непра река
Да устьем впадала в море Черное»⁷⁶.

Слушатель былины оказывается где-то в северной части пути из варяг в греки и певец почему-то указывает ему три дороги: одна ведет рекой прямо к Новгороду Великому, другая через мхи и болота к далекому Белоозеру, а третья — через чистое поле ко Пскову. Географические приметы верны, но почему понадобилось певцу, описывая путь кораблей, говорит о болотах и равнинах, по которым эти корабли все равно не пройдут? Белоозеро и Псков никак не связаны ни с маршру-

«Высота ли высота поднебесная,
Глубота, глубота — окиян-море.
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днепровские...»

⁷⁵ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 494.

⁷⁶ Там же, стр. 677. В знаменитом варианте Кирши Данилова, использованном Римским-Корсаковым в «Садко», запев лишен многих географических подробностей, там воспевается глубина моря-океана, раздолье великой русской равнины и глубокие омуты в Днепре:

том кораблей, ни с сюжетом былины. Нигде в других былинах мы не видим такого, ненужного на первый взгляд, нагромождения далеких от театра действий, географических названий. Не кроется ли и здесь, как в запеве Бояна, какой-либо скрытый смысл?

Новгород, Белоозеро и Псков только один раз были объединены в своих исторических судьбах — в легенде о призвании князей-варягов (место Пскова там занял его пригород Изборск). И, может быть, не случайно автор былины о Соловье-Гаральде повествует об этих трех путях: они не связаны прямо с сюжетом, но связаны с характеристикой главного героя — это его предки, скандинавские викинги, устремлялись в своих набегах на Новгород, Белоозеро и Изборск близ Пскова. Легенда о призвании варягов получила свое первое литературное оформление как раз в эпоху Ярослава под пером одного из современников Бояна — новгородского посадника Остромира⁷⁷.

При дворе Ярослава, окружившего себя наемной варяжской гвардией и свойственниками-варягами, складывались скандинавские саги, называвшие его «Ярислейфом» и не было бы ничего удивительного в том, что русский придворный певец, воспевая почетного гостя из Варяжской земли, напомнил бы легким намеком о первых варяжских путях. Вторая половина былинного запева своим размахом напоминает нам, с одной стороны, стиль вещего Бояна, любившего, как мы видели, широкие географические картины, а с другой стороны, не менее широкий взгляд летописца, предпославшего своей истории общий очерк важнейших путей, связывавших Русь с далекими заморскими странами. И в «Повести временных лет» (географическая часть которой, возможно, восходит к особому источнику XI в.) и в запеве былины мы видим: лесистый водораздел Днепра и Волги — «Оковский лес» летописи («темные леса Смоленские», Днепр, вытекающий «из-под дуба сырого, из-под вязу черного»), Волгу, впадающую «семьюдесят жерел в море Хвалиское», и Днепр, текущий из лесов к Киеву и впадающий в «Понтское море жерелом, еже море словеть Русское».

В итоге и по былине и по летописи мы получаем грандиозную картину, северная часть которой изображает Балтику, юг — Черное море, а юго-восток — низовья Волги. Центром этого широкого полотна является Киев, куда торжественно плывет на 30 кораблях Соловей Будимирович и где развернутся основные события былины.

Герой былины, конечно, не простой путешественник, не купец. Он возглавляет «дружинушку хоробрую»; он не везет на своих кораблях никаких товаров, кроме драгоценных цареградских даров невесте и ее родителям и золота для подарков русским князьям. Его корабль с «муравленным чердаком», золотыми сходнями и шелковыми парусами сходен с королевскими кораблями 1060-х годов, изображенными на знаменитом «ковре» королевы Матильды, представляющем вышитую хронику завоевания Англии норманнами, где одним из героев был тот же Гаральд Гардрад.

Корабли Гаральда на ковре из Байё своими высоко поднятыми носами со звериными мордами прямо соответствуют былинному описанию корабля Соловья Будимировича:

«Высоко его головка призаздынута
Нос-корма была по-звериному,
А бока сведены по туриному
Того ли тура заморского?»⁷⁸.

Возможно, что сибирские певцы сохранили лишь общую часть описания пути, опустив далекие для них детали.

⁷⁷ Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. «Вопросы истории», 1956, № 10.

⁷⁸ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 344.

Высокое положение Соловья Будимировича явствует и из того, что, прибыв в Киев, он направляется прямо в княжеский дворец, где удивляет всех своими богатыми дарами. Князь Владимир предлагает ему разместиться в хоромы любого князя или боярина, но Соловей строит свои терема рядом с дворцом самого Владимира в его саду. Владимир не отдаривает гостя подарками, а предлагает наградить его чисто по-феодалному — дать ему города с пригородками, или села с приселками.

Исторический Гаральд, как и его соотечественник Олаф, жил в Киеве при дворе Ярослава; слова былины о городах и селах могли отражать действительное положение вещей.

Сходство Соловья Будимировича с Гаральдом дополняется еще двумя чертами, сохранными былинной. Как и Гаральд, Соловей дважды приезжает в Киев за невестой: впервые — на 30 кораблях, а во второй раз — на 90 кораблях⁷⁹. О том, где был Соловей между двумя визитами в Киев, косвенно могут говорить те варианты былины, согласно которым Соловей приплывает в Киев через море «Турецкое», в которых упоминаются Венеция, Царьград и другие пункты Средиземноморья. Все это — места морских странствий Гаральда, жившего некоторое время в Константинополе со своей варяжской дружиной.

Исторический Гаральд — не только отважный мореплаватель, но и певец, слагатель широко известной песни о своем неудачном первом сватовстве к киевской княжне. Былинный герой — златокудрый гуслиар, прельщающий слушателей наигрышами севера и юга, знающий «все малые припевки за синя моря». Быть может, и самое имя его в былинне — иносказательное гиперболическое определение поэта-певца, пробуждающего мир, — Соловей Будимирович. Русский певец, которому пришлось бы приветствовать и прославлять по дворцовому обычаю такого гостя, должен был бы вступить в некоторое соперничество с ним, поэтому и создать произведение, выходящее из ряда обычных придворных од. Возможно, что стоящая особняком в русском былинном эпосе былина о Соловье Будимировиче действительно является отголоском киевской песни о сватовстве Гаральда к Елизавете Ярославне. Не лишено вероятности и второе предположение, что автором этой песни-оды мог быть Вещий Боян, придворный певец «Старого Ярослава».

Причиной того, что из всего многообразного творчества Бояна, воспевшего три поколения русских князей, только одна эта ода уцелела в народной памяти, следует считать ее бытовой характер. В центре внимания здесь не князья как таковые, даже не Соловей, а именно процесс сватовства, обычаи и обряды, связанные со свадьбой, т. е. жизненные общечеловеческие дела, одинаково близкие всем слоям населения. Трех дочерей выдал Ярослав за европейских монархов, но только за Елизаветой приезжал сам принц-жених, и это событие должно было запомниться народу. Песня-«хвала», сложенная в честь приездов Гаральда и его свадьбы, нашла отклик в народной поэзии и оказалась включенной в былинный цикл. Исчезло имя Ярослава (никогда не упоминаемого былинами), Гаральд был заменен Соловьем, Елизавета — Забавой, и в этом обобщенном виде песня-былина о сватовстве заморского гостя стала жить в памяти народа.

Подчеркиваемая исследователями эпоса уникальность этой былины, сравнительная редкость ее вариантов и незначительная распространенность ее могут говорить о том, что путь былинного творчества от княжеского двора к народным массам, о котором так много говорит буржуазная «историческая школа» не был столбовым, основным путем. Из всего богатого репертуара Бояна, воспевавшего князей Мстислава и Ярослава Владимировичей, Святослава Ярославича и Олега и Романа Святославичей, до нас в былинах не дошло ничего, кроме одной

⁷⁹ М. Н. Сперанский, т. II, стр. 140.

песни о сватовстве, которая быть может, отклонялась от типичных славословий придворного певца, чьи гусли «сами князем славу роко-таху».

Народная поэзия не сохранила ни одного из этих имен. И даже событие, определенно произошедшее при Ярославе, народ включил во Владимиров цикл, лишив его тем самым излишней конкретности.

**ИТОГИ
ИСТОРИЧЕСКОГО
РАССМОТРЕНИЯ БЫЛИН**

Следующие ниже выводы сделаны на основании сопоставления всего былинного фонда со всеми известными нам письменными источниками X—XIII вв. Конспективность изложения лишает меня возможности обосновать каждый тезис с той степенью подробности, как это сделано в трех отобранных примерах.

1. Рассмотрение русских былин в связи с теми историческими событиями X—XII вв., которые послужили основой былинных сюжетов, показало нам, что былины — отнюдь не фантастические произведения с произвольными героями и вымышленной средой.

Былины — героические песни, сложенные современниками, иногда самими участниками реальных исторических событий и отобранные для передачи потомству.

Творцом героического эпоса являлся сам народ, осуществлявший героическую борьбу с постоянно угрожавшими Руси степняками.

2. Построение хронологического ряда былинных сюжетов X—XII вв. позволяет нам рассмотреть былины историкографически, как сумму народных взглядов на большой и важный исторический период в жизни русского народа. Без привлечения былинной поэзии не может быть построена ни история Киевской Руси, ни история русской общественной мысли, так как нельзя удовлетвориться лишь односторонними, классово ограниченными оценками исторических событий придворными летописцами и церковной литературой.

Будучи исторически осмыслен, русский былинный эпос может стать неоценимым историческим источником, но, разумеется, не для восстановления канвы событий, а для изучения народных оценок тех или иных периодов, отдельных событий и лиц.

3. Для правильного марксистского понимания русского былинного эпоса необходим исторический подход к нему в самом широком смысле слова: во-первых, сопоставление всего фонда устной словесности со всем фондом письменных источников X—XIV вв., во-вторых, расположение былинных сюжетов в хронологическом порядке для того, чтобы выявить «периоды воспевания» и «периоды молчания» и объяснить их.

Кроме того, для каждой эпохи необходимо совершенно отчетливо представлять себе расстановку прогрессивных и регрессивных сил. Для основной былинной эпохи — X—XII вв. — нужно учитывать прогрессивность феодализма и основного слоя феодального класса — боярства.

4. Былинный героический эпос находится между двумя близкими ему жанрами: предшествует былинам малоизвестный нам жанр племенных сказаний, уходящий в глубокую древность, а сменяют былины исторические песни.

Первый эпический жанр — племенные сказания — сложился, вероятно, в эпоху создания первых грандиозных укреплений на юге Киевщины, постройка которых воспевалась как дело мифического героя, бога Рода-Озириса. Позднее, во «время Бусово» и «время Киево» воспевались племенные князья — павшие в борьбе с готами или прославившие себя постройкой городов и далекими походами за Дунай к «тропе Трояней». Обрывки этого эпоса эпохи военной демократии прослеживаются в русских былинах, в украинских легендах, в летописях, в «Слове о полку

Игоре́ве», в адыгейских сказаниях об антах и в византийских хрониках. Время этого жанра — примерно от V в. до н. э. и до VII в. н. э. В XII в. еще помнили эти древние сказания; ими пользовался Нестор и автор «Слова о полку Игореве».

Хронологическое соотношение трех эпических жанров примерно таково:

I. Племенные сказания. Время сложения — от середины I тыс. до н. э. до VI—VII в. н. э., время бытования до XII в.

II. Былины. Время сложения — от IX в. до нач. XIII в., время бытования — до XX в.

III. Исторические песни. Время сложения — от XIII в. до XVI в.; время бытования — до XX в.

5. Создание второго эпического жанра — былин, по всей вероятности, хронологически и по существу связано с новым качеством славянского общества, когда отдельные союзы племен стали сливаться в единое государство — Русь. Наиболее ранние былины («Смерть Кашея», «Иван Годинович и Михайло Поток») можно относить к IX—X вв. Уже в середине X в. первый сюжет — кашеева смерть от заклатья вещей птицы — был изображен на священном княжеском ритоне из Чернигова⁸⁰. Былина о Михайле Потоке могла отражать первое проникновение христианства на Русь в 860—870-е годы, когда архиепископ Михаил, крестив часть русов, ввел новый обряд погребения без грандиозных погребальных костров⁸¹.

Эти две былины отразили два крупных явления в жизни новорожденного государства — борьбу с кочевниками (олицетворенными Каше́ем) и введение новой веры, новых обрядов.

6. Ни одной былины о варягах мы не знаем. Ни Рюрика, ни Олега в былинах нет. Нет в былинах и Игоря Старого и героического Святослава. Очевидно здесь сказалось непонимание народом смысла далеких завоевательных походов, во время которых князя упрекали в том, что он «чужой земли ищет, а своей пренебрегает».

Молчание былин о Святославе резко расходится с восторженной поэтической характеристикой этого князя в летописи. Нет лучшего доказательства народного, не придворного происхождения былин, чем это молчание былинного эпоса о князе-герое.

7. Как удалось установить, русские былины упоминают около тридцати исторических лиц, известных нам по письменным источникам с 975 по 1240 г.

Олег Святославич, князь Древлянский, 975—977 гг.⁸² («Вольга Святославович»).

Свеналд, воевода-варяг, 975—977 гг. («Сантал»).

Владимир Святославич, князь Киевский, 980—1015 г. («Владимир Сеславьевич», «Красное Солнышко»).

Добрыня, дядя Владимира, 970—991 гг. («Добрыня Никитич»).

Гаральд, король Норвегии, жених киевской княжны, 1044 г. («Соловей Будимирович»).

Всеслав Брючиславич, князь Полоцкий, 1068 г. («Волх Всеславьевич» и др.).

Глеб Святославич, князь Новгородский, 1076 г. («Глеб Володьевич»).

Шарукан, хан половецкий, 1068—1107 гг. («Шарк-великан», «Кудреван» и др.).

Сугра, брат Шарукана, 1107 г. («Скурла»).

Отрак, сын Шарукана («Атрак»).

⁸⁰ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 1951, № 11.

⁸¹ Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства. «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 733—738.

⁸² Здесь и далее указывается в большинстве случаев тот период деятельности того или иного исторического лица, который упоминается былинами.

Тугорткан, хан половецкий, 1093—1096 гг. («Тугарин Змеевич»).
Итларь, посол половецкий, 1095 г. («Идолище»).

Ольбег Ратиборич, дружинник Мономаха, 1095—1096 гг. («Олеша Попович»).

Евпраксия Всеволодовна, жена короля Генриха IV, 1090-е гг. («Ап-ракса королевична»).

Владимир Всеволодич Мономах, 1093—1118 гг. («Владимир» в былинах XI—XII вв.).

Даниил Паломник? около 1107 г. («Данило Игнатьевич»).

Путята Вышатич боярин, 1113 г. («Мишата Путятич»).

Иван Захарвич Козарин, боярин, 1136 г. («Козарин», «Иванушка Козарин»).

Ставр Гордятинич, боярин, 1118 г. («Ставр Гординович»).

Кирилл-Всеволод Ольгович, князь Черниговский, 1120-е гг. («Чурило Пленкович»).

Садко Сытинич, новгородский боярин, 1167 г. («Садко, богатый гость»).

Кончак, сын Отрака, внук Шарукана, 1183 г. («Коньшик»).

Константин Хотович, 1170 г. («Константин Саурович»).

Кунтувдей, князь Торчешский, 1183—1192 гг. («Су-хан»).

Бояк Карлыевич, половецкий хан, 1183 г. («Озвяк Таврульевич»).

Роман Мстиславич, князь Киевский, 1205 г. («князь Роман»).

Батый, татарский хан («Батыга»).

Менгу-каан? или Кидан-хан? 1239 г., полководцы Батыя («Калин-царь»).

При составлении этого списка меньше всего приходилось опираться на простое созвучие имен; главным основанием может служить только совпадение исторической обстановки и конкретных неповторимых деталей в былинах и в летописи.

8. По сравнению с первичными расшифровками «исторической школы» этот список почти вдвое шире. В настоящее время удалось датировать первичные основы значительного большинства былин.

Три десятка точных хронологических ориентиров на протяжении трех столетий дают нам возможность приступить к самой интересной части работы над русским былинным эпосом — к установлению внутренней периодизации эпоса, к раскрытию тех исторических периодов, которые воспеты народом, и тех периодов о которых народ почему-то умалчал.

После отдельных фрагментов эпоса IX — середины X в. и после полного молчания былин о далеких и победоносных походах Святослава, первый целостный цикл былин относится к 975—1015 гг. Великолепным эпиграфом к этому циклу является былина о Микуле Селяниновиче и Олеге Святославиче. Поэтический образ молодого князя, поднявшего впервые меч против варяжского засилья, объединен с образом могучего пахаря, бросившего соху ради борьбы с «черным вороном Санталом» — варягом Свеналдом.

Народность былинного эпоса сразу определяется выдвижением на первое место в первой былине богатыря-крестьянина Микулы Селяниновича.

9. Владимиров цикл былин отражает в идеализированной форме расцвет русской раннефеодальной монархии. Борьба с огромными ордами сорока печенежских племен, борьба, ради которой Владимир построил линии пограничных крепостей на юге и переселил туда дружинников с севера, эта борьба была всенародным общерусским делом и именно она была воспета как создание «застав богатырских» вокруг столицы Руси — Киева.

Прокладывание дорог прямоезжих от Киева к отдаленным краям молодого государства, борьба с разбойниками и племенными князьками

отразилась и в летописи и в былинах. Былины воспели и борьбу с варварским языческим обычаем сожжения живых родичей на могилах умерших.

Попутно былины воспели самого Владимира, сына рабыни, его женьтибу на заносчивой Рогнеде, его прославленные пиры в Киеве, на которые приглашался широкий круг гостей из боярства и народа.

Первое десятилетие княжения Владимира выдвинуло в качестве эпического героя его дядю Добрыню, сына Малка Любечанина, воевавшего с кочевниками, собиравшего дань, боровшегося с язычеством в Новгороде. Второе десятилетие (990-е годы) связано с деятельностью на пограничных заставах и на дорогах прямоезжих Ильи Муромца, Ильи Русского, известного нам, к сожалению, только по западным письменным источникам. После Микулы Селяниновича, пришедшего в княжескую дружину прямо с пашни, Илья — второй герой, пришедший тоже с пашни на княжеский пир, как исполнитель государственных задач.

Именно к 990-м годам летопись относит включение в княжескую дружину богатырей из народа.

Русские былины и русская летопись с одинаковой полнотой описали полнокровную эпоху Владимира Красного Солнышка, когда варяжские наемники были окончательно изгнаны и создано многотысячное русское войско (с привлечением крестьян и ремесленников), отразившее печенежскую опасность, угрожавшую сотням русских городов и тысячам сел лесостепной земледельческой полосы.

10. В былинах не отразилась (за одним исключением) эпоха Ярослава Мудрого; даже имени этого князя, прославленного скандинавскими сагами, былины не знают. Очевидно, острые социальные конфликты, которые рождались в русском обществе первой половины XI в. и вылились потом в грозных формулах доменального закона Русской Правды Ярославичей, усобицы и военные неудачи, которые сопровождали княжение Ярослава, отрыв князя, окруженного родичами варягами от народа, содействовали в своей совокупности эпическому молчанию народа. Князь, которого воспевали нанятые им отряды норманнов, хромоногий «Ярислейф», изрубивший новгородцев, отдавший на поругание победителю родную сестру, засадивший в поруб брата, не мог стать народным эпическим героем.

Единственный былинный сюжет, относящийся к этой эпохе, — «Соловей Будимирович» — является, по моему предположению, и единственным примером воздействия придворной поэзии (Бояна?) на ранние былины. Эта былина могла сохраниться в народной памяти как воспоминание о редчайшем событии — свадьбе норвежского короля и киевской княжны, происходившей, вопреки обычаям, не в земле жениха, а в Киеве. Придворное восхваление знатного гостя, идущее от дворцового поэта, сочетается здесь с народным юмором по отношению к дочери Ярослава, торопящейся выйти замуж.

11. Новый период сложения былин (после полувекового молчания) связан с очень важными для киевлян событиями 1068 г. Следует учесть, что эти былины, сложенные в эпоху наивысшего обострения всех социальных конфликтов, жили потом, в XVI—XVII вв., как бы вторую жизнь, пользуясь успехом именно благодаря своей социальной направленности. Вторичное бытование наложило свой отпечаток на этот цикл былин; незнакомые имена XI в. заменялись созвучными, усиливался демократизм героев и среды.

Былины повествуют о нашествии на Русь Шарка-великана или Кудревана-царя, т. е. половецкого хана Шарукана, отца Отрака и деда Кончака, впервые напавшего на Русь в 1068 г.

В былинах мы находим прославление князя-волхва Всеслава Полоцкого, народного избранника, возглавившего восставший Киев в 1068 г., находим такие подробности, которые сближают летописные рассказы

о киевских событиях 1068 г. с былинами (отсутствие оружия и коней у богатырей, заточение героя в погреб, приход киевлян на княжий двор, упреки в адрес князя, внимание героя к простым «посадским мужикам» и др.).

По законам бытования эпоса главные эпические герои постепенно заменили собою истинных героев воспетых событий. Так былинный образ князя Владимира вытеснил собою всех других киевских князей XI—XII вв. Богатырь Илья тоже нередко вытесняет своей фигурой конкретных деятелей других эпох. Поэтому в былинах о 1068 г. часто речь идет о «ссоре Ильи с Владимиром» и только по неповторимым деталям удастся определить, что сущность событий здесь совпадает с описанием событий 1068 г. в летописи.

Народный характер былин о Волхе Всеславиче, о Ваське (Всеславе?), об Илье и Владимире, о царе Кудреване не подлежит сомнению. Придворный певец Боян отрицательно отнесся к Всеславу Полоцкому, считая, что он заслуживает «божьего суда». Былинная восторженная оценка князя Всеслава была, очевидно, известна автору «Слова о полку Игореве», посвятившего этому «народному» князю и его потомкам лучшие строки своей поэмы.

12. После героических событий 1068 г. (разгром Шарукана, изгнание князя Изяслава, народное избрание нового князя), послуживших причиной создания большого цикла былин, наступает новый период молчания, длящийся ровно до нового натиска половцев в конце XI в.

Ни смена князей на киевском столе, ни авантюры ряда князей в Причерноморье и Тмутаракани, ни усобицы — ничто не привлекло слагателей былин и не было воспето и сохранено народом. К этому периоду (1069—1092 гг.) можно отнести только одну третьестепенную былинную новгородского происхождения — «Глеб Володьевич» — о походе новгородского князя Глеба Святославича на Корсунь в 1076 г. Новгородские былины (к ним надо причислить также «Садко» 1167 г. и «Ваську Буслаева» XIV в.) очень немногочисленны и не укладываются полностью в общую периодизацию. Героический элемент в них сильно снижен и подменен романтикой дальних плаваний.

13. После 25-летнего периода молчания в 1090-е годы наступает новый период былинного творчества, в значительной мере вызванный третьим натиском кочевников 1093—1107 гг.

«Историческая школа» с ее методом хронологических комментариев к былинам прошла мимо этой интереснейшей эпохи, относя многие стилистические особенности былин этого времени за счет переделок и добавлений XVI—XVII вв.

Хронологической опорой для исследования былин этих двух десятилетий являются двенадцать имен исторических деятелей (XI—XII вв.), переплетенные между собой во многих былинах этой блестящей эпохи конца Киевской Руси. Однако здесь недостаточно одной только хронологической классификации — богатство и разнообразие былинных сюжетов требуют распределения их и по жанрам. Былины конца XI — начала XII в. можно разбить на следующие три категории:

а) Героические былины, продолжающие во времена Владимира Мономаха традиции былинного эпоса Владимира Святославича.

б) Былины, близкие к духовным стихам, содержащие иногда героический элемент.

в) Придворные новеллы (по форме подражающие былинам) с сатирической окраской.

Возможно, что и в это время, в связи с восстанием 1113 г., были сложены былины острой социальной направленности. Давно уже указывалось на отрицательный былинный образ Мишаточки Путятина, в котором следует видеть святополчьего тысяцкого Путятю Вышатича, возбудившего гнев восставших киевлян. Но эти былины в целом виде до нас не дошли.

14. Героические былины рубежа XI и XII в. возникли в ту пору, когда Руси угрожали Шарукан Старый, его брат Сугра, Боняк Шелудивый, Тугорткан и другие половецкие ханы. Натиск был очень силен; Боняк «стучал саблей» в Золотые Ворота Киева, наступление велось по обоим берегам Днепра.

Киевский князь Святополк не умел и не хотел организовывать отпор половцам. Став великим князем, он тотчас же породнился с Тугортканом, женившись на его дочери и ошибочно надеясь сохранить этим мир.

Всю тяжесть половецких ударов и постоянной пограничной борьбы выдерживал Владимир Мономах, княживший в порубежном со степью Переяславском княжестве, ставшем в эти годы естественным заслоном всей Руси. Положение постоянного пограничного защитника ставило Владимира на место старых богатырей и принесло ему прочную любовь и уважение народа. В летопись дважды проник рассказ об истинной любви Владимира к смердам, ради жизни которых он призывал князей к походам в степи. Возможно, что в сходной ситуации народ сознательно вспоминал старый былинный цикл Владимира Святославича, применяя его к новому Владимиру. Цикл былин о Добрыне и Илье Муромце стал жить второю жизнью сто лет спустя после его создания. Совпадение имен двух князей-защитников, двух Владимиров, содействовало этому.

В Переяславле Русском при Владимире Мономахе создается и новый былинный цикл, выдвинувший нового героя — Олешу Поповича, с именем которого связаны две распространенные былины о победах над половцами: «Идолище» и «Тугарин Змеевич». В позднейших вариантах «Олешу» кое-где заменил Илья, но, как доказал еще В. Ф. Миллер, первоначальным победителем был «Олеша».

В «Идолище», убитом внутри княжеского дворца, следует видеть половецкого посла Итларя («Итларище?»), убитого в Переяславле во дворце в 1095 г. Ольбегом Ратиборичем, дружинником Мономаха. Тугорткан был разбит дружинами Мономаха в следующем, 1096 г. Возможно, что прообразом былинного Олеша Поповича послужил Ольбег Ратиборич, сын известного тысяцкого Ратибора и брат Фомы Ратиборича, прославившегося богатырскими подвигами на западных рубежах Руси.

Кроме событий 1095 и 1096 гг., которыми открывался цикл русских побед, в былинах отразились события 1100 г. (Олеша Попович по данным Татищева), 1106 г. (былина «Козарин») и 1107 г. (разгром Шарукана и «Скурлака» — Сугры).

О победоносных походах в степь 1103, 1111, 1117 гг. и др. былины ничего не говорят: все, что делалось в глубине степей, «за шеломянем» «в земле незнаемой», не увлекало сказителей.

15. К этому же самому времени и к тем же событиям относится ряд былин, напоминающих скорее духовные стихи.

Это так называемая цареградская версия быliny об Идолище Поганом, отражающая, как я думаю, первый крестовый поход и взятие Иерусалима арабами в 1098 г. В ней идет речь о каликах-паломниках, возвращающихся из Палестины, побывавших в Иерусалиме еще до того, как «Идолище» разорил там церкви и утеснил веру. Место действия быliny — Константинополь. Былина конца 1090-х годов как бы проводила параллель между натиском сарацин и натиском половцев. По ряду признаков к этой эпохе можно отнести быlinу о богатыре Данииле Игнатьевиче (действующем в двух былинах), постригшемся в монахи и ушедшем каликою из Руси. Представителем героического элемента здесь является его сын, оставшийся нести пограничную службу вместо отца. Имя Даниила-калики, современника Мономаха, хана Сугры и взятия Иерусалима, приводит на память Даниила Паломника, побывавшего в Палестине в 1106—1108 гг.

Из различных духовных стихов народ отобрал и слил со своими былинами только те из них, которые содержали героический элемент или обрисовывали крепкие обычаи каличьих дружин в противопоставлении женскому коварству княгини («Сорок калик со каликою»).

16. Эпоха Владимира Мономаха, т. е. то 30-летие, когда он оборонял Русь в Переяславле, а затем правил Русью в качестве великого князя киевского, привела, как уже говорилось, к возрождению Владимиров цикла X в. и к слиянию его с новым переяславским циклом Владимира Мономаха. И там и здесь действует эпический «Владимир ласков князь» и только по именам Добрыни или Олеши можно распознать, о какой исторической эпохе, о каком именно Владимире идет речь.

В дальнейшем развитии эпоса происходило все большее слияние этих двух эпох и всех богатырей в единый киевский эпический цикл. В этот творческий процесс оказались вовлеченными такие устные произведения, которые в строгом смысле слова и нельзя было бы назвать былинами. Это — ряд придворных новелл с явно боярской окраской. В них нет того героического элемента, который придавал общенародный характер всем былинам 975—1107 гг. Но зато присущий им юмор и сатирические черты (исконные, рожденные придворной обстановкой XII в., а не привнесенные в XVI—XVII вв.) привлекли народных сказителей и они подключили эти новеллы к формировавшемуся тогда киевскому циклу условного «князя Владимира».

17. К негероическим придворным «былинам» следует отнести два варианта былины об «Иване Гостином сыне». Первый, очень редкий вариант с заморским пленом у «вавилонян», возможно, следует сопоставлять с пленением Олега Черниговского и Тмутараканского и его бояр хазарами в 1079—1083 гг. Второй вариант о победе Ивана над князем Владимиром в конском ристании может быть отнесен к тому времени, когда Владимир Мономах уже покинул Чернигов, т. е. после 1094 г. Почти к этому же времени можно приурочить тот вариант былины о Святогоре, в котором высмеиваются богатыри «Олега Черниговского», запрягавшие своего товарища в белокаменный саркофаг где-то на берегу морской протоки (очевидно в Тмутаракани). Думаю, что мифологический элемент прикрепился к этой былине много позднее, может быть после татарского нашествия в некоторой связи с духом былины о гибели богатырей.

К 1118 г. относится былина «Ставр Гординович», во всех деталях совпадающая с летописными записями о Ставке Гордатиниче (1070-е годы) и о Ставре, наказанном Владимиром Мономахом.

Вероятно, к этому кругу относится былина «Хотен Блудович». По отчеству героя ее следовало бы возводить к концу X в., но вполне вероятно, что оживление цикла Владимира I могло оживить и некоторые имена той эпохи. Отчество «Блудович» могло в начале XII в. приобрести нарицательный оттенок для характеристики неблагоприятной роли отца героя, боярина-изменника, переветника, каким и был исторический Блуд 980 г.

В нескольких былинах явно ощущаются следы сатирических песен о женитбе Святополка Изяславича на дочери Тугорткана. Образ бесцеремонного властного обжоры Тугарина, нагло обнимающего придворных дам на пиру у князя, есть в ряде былин конца XI в.

Большой интерес представляет былина о Чуриле Пленковиче, сыне Сурожанина. Чурила — щеголь, щап, дамский угодник, красавец-придворный и в то же время — самостоятельный владетель двора на Почайне под Киевом и многотысячного, прекрасно снаряженного войска. Он с дружиной бесчинствует вокруг Киева, мужики бьют на него челом князю Владимиру, но Чурила неподсуден даже великому князю и как равный принимает Владимира у себя в роскошных теремах. Думаю, что единственным реальным прототипом Чурилы (Кирилла), сына Суро-

жанина может быть князь Кирилл-Всеволод, сын Олега Тмутараканского. Двор его находился под Киевом на Почайне, летопись за 1120—1230 гг. изобилует записями о его грабежах и бесчинствах вокруг Киева, а Татищев (следуя источнику XII в.) характеризует его точно так же, как и былины, — заносчивым, щеголеватым любителем пирушек, «киевскими бабами уплаканным». Былина о Чуриле могла быть сложена при дворе Мономаха в те годы, когда молодой князь Кирилл находился в Киеве у Владимира, т. е. в 1120-е годы.

Последняя былина этого придворного типа «Дюк Степанович» относится к середине XII в. и, очевидно, символизирует победу в Киеве волынской династии (может быть в лице Изяслава Мстиславича) над Кириллом-Всеволодом и его братьями черниговскими Ольговичами.

18. Часть придворных былин отражала династические споры, различную ориентацию киевского боярства.

Насмешки над тестем великого князя Тугарином Змеевичем отражали антипатию к Святополку и могли исходить из кругов симпатизирующих переяславскому князю Владимиру Мономаху, стороннику войны, а не союза с половцами. Насмешкам подверглась и сестра Мономаха Евпраксия, жена императора Генриха IV, прославившаяся в Германии и Италии своими романтическими приключениями и к 1095—1098 гг. вернувшаяся в Киев ко двору Святополка. Это ее узнаем мы в образе сладострастной Апраксы-королевичны, флиртующей то с Тугариным, то с Чурилом.

Былина «Иван Гостиный сын» сложена явно в кругах черниговского боярства. Поручителем за Ивана в его союзе с Владимиром киевским выступает «владыка черниговский». В противовес ей «Святогор» высмеивает тмутараканских дружинников Олега. Былины о Чуриле отмечают его знатность, богатство, самостоятельность, но общий иронический тон позволяет считать, что средой, сложившей эти песни, было окружение Мономаха. Особенно выступает это в былинах о Дюке и Чуриле, где кичливый киевлянин (Всеволод с 1139 г. был уже князем киевским) проигрывает состязание приехавшему из Волыни или Галича Дюку.

Придворные новеллы конца XI — начала XII в. являются интересным дополнением к той мозаике киевских, черниговских, переяславских и галицких летописей, из которых был составлен впоследствии свод 1199 г. И там и здесь мы видим стремление боярства возвеличить своего князя, с которым их связывают жизненные интересы, и очернить или высмеять князя чужого, враждебного данной группе.

19. Перечисленные в § 17 былины, примкнувшие к народным героическим циклам двух Владимиров, существенно отличаются от основного былинного фонда.

Много внимания здесь уделено описанию богатства, придворной роскоши, вычурным златоверхим теремам, шелковым одеждам, золотым украшениям, великолепному доспеху героев. Все это было в Киевской Руси, все это — историческая правда XI—XII вв., но это не та суровая героическая среда, в которой действовали настоящие богатыри. Нет здесь ни раздольища широкого, ни поля дикого, ни шатров порубежной заставы. Нет здесь и богатырских дел. Конские ристания, стрельба в цель, турнир на княжьем дворе или даже игра в шахматы — вот к каким рыцарским делам сведен здесь состязательный элемент. Здесь слышны звуки русской и византийской музыки, здесь появляются в большом количестве придворные дамы, кокетливые, лукавые, шаловливые и влюбчивые; они полны средневекового куртуазного духа.

Не только бытовая обстановка, воспроизведенная в таких былинах, переносит нас в атмосферу феодальных дворцов и замков XII в. Сама направленность этих былин — боярская, аристократическая. Князь Владимир (Мономах) здесь — первый среди равных; бояре, купеческие сыновья, боярские жены могут в этих новеллах победить князя в открытом

состязании, перехитрить, «с ума свести», обыграть. Появление таких «былин» именно в эпоху Святополка и Мономаха вполне отвечает росту боярского могущества и политического самосознания в начале XII в., проявлением которых явилось само избрание Мономаха боярством в 1113 г. и вся последующая смена киевских князей по воле боярства.

Новый период молчания 1120—1160 гг. связан с некоторым успокоением половцев и с началом энергичного становления самостоятельных княжеств-королевств.

В эпоху феодальной раздробленности былинный эпос возрождался лишь в те моменты, когда вновь требовалось героическое единение Руси.

20. Четвертый по счету кочевнический удар готовился в 1170—1180 гг. Кончак, Кобяк и другие ханы объединяли все степные силы и, начав с перехвата Днепровского пути, устремлялись к жизненным центрам Руси. Именно в это время появилась обращенная к самым высшим княжеским кругам, но глубоко общенародная по своему духу, поэма «Слово о полку Игореве», ратующая за единство всех русских сил. И русские силы действительно смогли объединиться и разбить половецкие феодализирующиеся государства на рубежах или в глубине степей. Большую роль играли в этом «Черные Клобуки», торческие племена, расселенные на самой границе с враждебной степью и нередко «складывавшие свои головы за Русскую землю». Они восприняли русскую культуру, жили в русских городах по Руси, их князья были вассалами киевских князей.

И вот оказалось, что последний натиск половцев отозвался поэтическим эхом не на всем пространстве русских княжеств, а только лишь в этой порубежной полосе, принимавшей на себя удары Кобяка и Кончака и отражавшей их.

К эпохе «Слова о полку Игореве» я могу отнести две второстепенные былины о так называемых «младших богатырях»: «Саур Ванидович» и «Сухан». Тюркские имена героев («Саур» — «герой»; «Сухан» — «князь реки») ведут нас в полурусское-полутюркское Поросье, где жили и воевали под русскими знаменами «свои поганые», торки и берендеи. В этих былинах отразились большой поход 1170 г. к днепровским порогам, разгром Кобяка в 1183 г. (воспетый и в «Слове») и печальная биография торческого князя («Су-хана») Кунтувдея, оказавшегося жертвой соперничества двух русских князей.

Территориальное ограничение, сужение эпического района совершенно логично с точки зрения народного творчества былин — когда печенеги воевали со всей Русью, создавался общерусский цикл Владимира; когда же борьба с половцами стала делом только княжеских дружин или пограничной торческой конницы, то и район творчества былин сократился до размеров только той территории, на которой народ действительно боролся с половцами.

21. Эпоха самостоятельной жизни русских княжеств (или, по западноевропейским масштабам, королевств) отличалась от раннефеодальной монархии локальностью интересов, отсутствием высокого героического тона, и для целого столетия, предшествовавшего татарскому нашествию, мы можем назвать только одну общерусскую эпическую фигуру, воспетую и в феодальной поэзии и в былинах, — князя Романа Мстиславича.

22. Пятый удар кочевников — татарское нашествие — не может быть сопоставлен ни с одним из предшествующих печенежских или половецких ударов. С печенегами было покончено уже в начале XI в., половцев смирили ровно сто лет спустя; и те и другие не располагали глубокими азиатскими резервами. Татары же обладали неистощимыми резервами и обрушили их на разрозненные и враждующие между собой русские княжества.

Тотальный характер татарского нашествия, тяжелое поражение Руси, уничтожение городов, увод населения, сожжение деревень — все это

не могло быть и не было предметом героического воспевания. Имя Батыги есть в былинах, а картины поражения нет. «Сказание о гибели богатырей» сложено не в момент нашествия, а много десятилетий спустя.

Единственная былина о татарах — это «Калин-царь». Калин подступил к Киеву, стал в нескольких верстах от него и послал посла в Киев, предлагая сдачу. Киевляне отвергли предложение. Точно то же самое рассказывает летопись по поводу прихода под Киев в 1239 г. Менгу-каана и Кидана. Очевидно, один из этих ханов и превратился в былинного «Собаку-Калина-царя». Эта оптимистическая былина сохранилась, по всей вероятности, только потому, что среди множества мрачных и кровавых картин Батыева погрома она единственная повествовала о повороте вспять татарских войск, натолкнувшихся на бесстрашное мужество киевлян, отвергших капитуляцию.

23. Хронологическо-тематический перечень всех русских былин, подающихся точной периодизации, а их большинство, позволяет сделать вывод, что героические былины являются основой и главным содержанием былинной эпической поэзии.

Былины возникают по свежим следам тех событий, в которых весь народ или его значительная часть поднимается на борьбу с вражеским вторжением степняков и побеждает в этой борьбе.

По законам эпической поэтики дела народа выражены в форме действий одного или нескольких героев-богатырей.

Первый крупный киевский цикл возник в 980—990 гг. в пору сильной агрессии печенегов.

Второй киевский цикл связан с нашествием на Киевскую Русь половцев в 1068 г. и киевским восстанием того же года.

Третий цикл родился в Переяславле, где Владимир Мономах отражал третий кочевнический натиск на рубеже XI и XII вв. К этому циклу примкнуло несколько придворных новелл.

Четвертый небольшой цикл относится к 70—80-м годам XII в. и связан с Поросьем, служившим тогда заслоном Руси от новой активности половцев.

Пятым (разрозненным и плохо сохранившимся) циклом можно считать былины о князе Романе Мстиславиче, боровшемся с половцами и убитом в бою с поляками в 1205 г.

Эпоха феодальной раздробленности была временем угасания былинного творчества, но созданные ранее циклы героических песен бережно сохранялись не только на юге, где они могли оживляться воспоминаниями, но по всем русским землям вплоть до Новгородского и Ростовского Севера и вновь колонизуемых земель.

24. Не подлежит никакому сомнению, что творцом былин был народ.

Областью рождения героического эпоса была широкая полоса лесостепи, исконное местожительство славян с сотней городов и тысячами деревень, подвергавшаяся с IX по XIII в. набегам кочевников. Поляне, уличи, северяне, древляне непосредственно отражали врагов; радимичи, вятичи, кривичи, словене были привлечены к обороне ядра Киевской Руси с Киевом и Черниговом во главе.

Микула Селянинович, Илья Муромец не только выразители народных идеалов, но и представители смердов, народных крестьянских масс. Такими они стали не только в XVI в., но при самом создании былин в X в. (Микула).

25. Феодальное начало в эпической поэзии существовало параллельно народному, но, как правило, «хвалы» или «славы» князьям, сложенные придворными поэтами, не вливались в широкий поток народной (общенародной) эпической поэзии; их нет в былинах. Только феодальная письменность время от времени заносила на страницы книг восхваления того или иного князя.

Однако не нужно думать, что русская княжеско-боярская среда чуждалась народных былин. Былины, как правило, воспевали те периоды родной истории, когда угроза внешней опасности объединяла классы, на время сглаживала противоречия, заставляла феодальный класс выполнять вторую государственную функцию — оборону страны. Героический элемент большинства былин (особняком стоит цикл 1068 г.) не был обращен против феодализма, как формации (и формации безусловно прогрессивной для X—XII вв.), и это не ставило никаких препятствий для исполнения былин о Владимире, о Добрыне, о Вольге Святославиче при дворах последующих князей. Феодальные дворы, городские площади, гридницы дружинников были, по всей вероятности, потребителями и слушателями почти всех русских былин X—XII вв.

Плохая сохранность цикла о 1068 г. быть может тем и объясняется, что в этих былинах воспевалось народное восстание, а следовательно, и аудитория для них была сильно суженной.

Спустя два столетия после появления первых былин и более ста лет спустя после появления в эпосе величественного образа пахаря-богатыря, к народному героическому эпосу (может быть в результате использования его на феодальных и княжеских дворах) присоединяется некоторое количество боярских новелл, подражающих по форме народным эпическим песням-былинам. Но тематика этих новелл XII в. совершенно иная, чем типичных былин. Здесь героический элемент уступает место куртуазному. Во всем этом сказывается усиление политической роли феодального боярства, ощутившего себя к XII в. как значительную силу. Боярство сменяло и приглашало князей, властно приостанавливало их «лествичное восхождение», создавало свою историческую литературу, а заодно создало, очевидно, и свою новеллистическую придворную поэзию, былинную по форме и сатирическую по содержанию.

Народ принял в свою эпическую сокровищницу кое-что из этой боярской поэзии и в могучем потоке народного героического эпоса донес и эти новеллы.

27. Исторический подход к русским былинам показал, что былины X—XII вв. являются исключительно важным историческим источником, рисующим нам на протяжении трех столетий отношение народных масс к важнейшим событиям в жизни Киевской Руси, ее героям и деятелям.

Русские былины это «Повесть временных лет» русского народа, но только сложенная не в монашеской келье, не в дворцовой палате, а в гуще героического народа, три столетия боровшегося с «погаными».

В тяжелые века татарского ига у грамотных людей поддерживала силы и патриотический дух старая киевская летопись, прославлявшая блестящий период расцвета Руси в IX—XII вв., а у всех русских людей и в городах и в далеких селах вплоть до «самого синего моря» эту веру в богатырские силы Руси поддерживали торжественные, как гимны, напевы былин о древних богатырских делах, великолепных как сама «светло светлая и украсно украшенная» Киевская Русь.